

A muscular man with extensive tattoos on his arms, chest, and neck is shown in a gym setting. He is wearing a black tank top and looking down. The background is dark with some metallic elements and chains. The text 'Ольга Шо' is in the top right corner, 'ЗОНА ПРИТЯЖЕНИЯ' is in large red letters across the middle, and 'Фальстарт к тебе' is in white cursive at the bottom.

Ольга Шо

ЗОНА ПРИТЯЖЕНИЯ

Фальстарт к тебе

Ольга Шо

**Зона притяжения.
Фальстарт к тебе**

«Литнет»

2025

Шо О.

Зона притяжения. Фальстарт к тебе / О. Шо — «Литнет», 2025

♥#Александр Дымов - сидит за решёткой по обвинению в убийстве. Он три месяца не видел женщин и ждал развлечений. Но вместо вульгарной и опытной “ночной бабочки” к нему в камеру привозят перепуганную, невинную девушку с глазами затравленного зверька. Она - посмела не просто отвергнуть, но и плеснуть из бокала в лицо криминальному боссу. В наказание получила долгосрочное свидание с его братом-эком. Не как гостя. Как подарок и с чёткой инструкцией ”понравиться любой ценой”. Её мотивация - жизни матери и брата.-Тебя купили. Для меня. Отрабатывай! - ээк стукнул пятернёй по кровати.- Что мне нужно сделать?- Раздевайся и иди туда, - кивнул на кровать, - впервые вижу невинную продажную девку. Но мы с этим разберёмся. Два разных мира, столкнувшиеся в стенах тюремной камеры. Чувства, зародившееся там, где царят боль, страх и безысходность Страсть, рождённая за колючей проволокой. Он вошёл в её жизнь как наказание. Станет ли он её спасением?☆☆Диалогия☆☆ НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПОДПИСЫВАТЬСЯ НА МОЮ АВТОРСКУЮ СТРАНИЧКУ, ЧТОБЫ ОТСЛЕЖИВАТЬ НОВИНКИ И НОВОСТИ

© Шо О., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

= 1 =	5
= 2 =	8
Визуал 1	10
= 3 =	11
= 4 =	13
= 5 =	15
= 6 =	17
= 7 =	19
= 8 =	22
= 9 =	25
= 10 =	28
= 11 =	30
= 12 =	32
= 13 =	34
= 14 =	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

= 1 =

По грани между "запрещено" и невозможно "отказаться"

 ##Он вошёл в её жизнь как наказание. Станет ли он её спасением?

= 1 =

Дверь с решёткой в центре захлопнулась за спиной Эвелины с тяжёлым металлическим стуком. Девушка замерла на пороге, не в силах пошевелиться. Сердце бешено колотилось где-то в горле.

Камера для длительных свиданий оказалась маленькой комнаткой. Клетка. Больше похожая на больничную палату. Чисто, стерильно, бездушно.

Стены в жёлто-серый кафель. На потолке обычная побелка. В углу - крохотная раковина с одним краном. Посередине - узкая койка с серым, ватным одеялом и плоской подушкой без наволочки.

Под окном, заделанным мощной решёткой, стоял маленький столик и два табурета, привинченные к полу. Маленький холодильник, санузел за перегородкой. Всё казённое, холодное, отчуждённое.

Воздух казался очень спёртым. Пахло тем же, чем и в коридорах, только гуще, с примесью старого табака и дешёвого мыла.

На кровати, спиной к двери, сидел мужчина.

Он медленно обернулся и встал, едва ли не заполняя собой всё пространство.

Мужчина не был похож на монстра, каким Эвелина его представляла. Весьма молод. На вид ему около двадцати пяти лет. Но он огромен.

Высокий, очень широкий в плечах, в простой серой робе, которая, казалось, до предела натянута на гранитных мышцах.

Роба была коротковата на мощных руках, покрытых плотным ковром татуировок: старославянские узоры, лики святых со строгими глазами, надписи на церковнославянском. Сплошная чёрно-серая лента тату, окутывающая кожу от запястий до шеи.

Часть рисунков скрывал воротник робы, но Эвелина увидела краешек чего-то на самой шее. Возможно, изображения шипов или букв. И от этого зэк казался ещё более опасным, чужим, принадлежащим к другому, жестокому миру.

Александр Дымов. Брат Влада Дымова. Опасный. Зэк. Убийца, как о нём говорили.

Девушка всмотрелась в его лицо.

Невольно сравнила его с подонком, из-за которого она оказалась здесь. Влад был похож на хищную птицу с острым носом и колючим взглядом. Этот же зэк... был другим. Лицо его с резкими, но удивительно правильными чертами. Тёмные, почти чёрные, коротко стриженные волосы.

Тяжёлый, резко очерченный и решительный подбородок, прямой нос. И глаза. Серые, холодные, пронзительные и изучающие.

Он смотрел на неё оценивающе, без тени смущения или нетерпения. Но в его взгляде не было той животной, грязной алчности, как у его брата. Он смотрел, как смотрят на вещь, которую привезли и поставили в отведённое ей место для использования по прямому назначению.

Эвелине стало ещё страшнее. Зэк был красивым. Страшно красивым. И от этого казался ещё более чужим и опасным.

Эвелина замерла у двери, судорожно сжав сумку с туалетными принадлежностями, которую ей велели взять. Она должна была играть свою роль.

Но как играть, когда ноги подкашиваются, а сердце колотится так громко, что, кажется, его слышно за дверью?

- Ну, чего встала словно чужая? - голос у зэка был низкий, хрипловатый, будто он давно не разговаривал, - проходи. Раздевайся.

Эвелина вздрогнула, сделала шаг вперёд, потом ещё один. Поставила сумку на табурет. Руки дрожали так, что она с трудом расстегнула первую пуговицу на куртке. Потом вторую. Внутри всё кричало, протестуя против всего того, что она сейчас делала.

Девушка сняла куртку, потом свитер, оставаясь в простенькой блузке. Чувствовала на себе его слишком тяжёлый и изучающий взгляд, в котором появились искорки похоти и... любопытства.

- Быстрее шевелись ты, - бросил он, но без особой злобы. Скорее, с каким-то странным нетерпением, - я хочу, чтобы разделась. Полностью!

Он сам скинул робу, остался в простых штанах и майке, обрисовывающей каждый литой мускул его обнажённого торса. Казалось, что каждая мышца в теле мужчины безукоризненно проработана.

Эву едва ли не затрясло от страха. Перед ней молодой, горячий и голодный до женского тела зэк.

Он подошёл к койке, сел на край, зажёл заранее приготовленную на столике сигарету. Потянул дым, выпустил струйку в потолок.

- Или мне тебя надо развлекать? - прохрипел.

- Нет, я..., - она слотнула комок в горле, - я сейчас.

Эвелина сделала несколько неуверенных шагов, едва не поскользнувшись на высоких каблуках. Упасть бы ей сейчас от страха и переломать ноги. Обе. Сразу. Может быть, тогда бы её отправили обратно.

Девушка опустила на стул напротив мужчины. Выпрямила спину и сжала руки на коленях. Опустила веки, выжидая, когда он накинется на неё и начнёт требовать то, для чего её сюда привезли.

Но он не двигался. Сидел на кровати, скрестив мощные руки на груди, и смотрел. Минута молчания растянулась в вечность.

- Как звать? - наконец спросил он, докуривая сигарету, продолжая впиваться в неё взглядом. Что-то странная она какая-то.

- Э... Эвелина, - прошептала она.

- Эвелина, - повторил он, как бы пробуя имя на вкус, - красиво. А тебя как по документам звать? Или у шлюх документов не бывает?

Она вздрогнула от слова «шлюха». Как от удара. Её глаза сами поднялись на него, полные неподдельного ужаса и боли. Но она тут же опустила их, вспомнив угрозу Владислава. «*Он не должен узнать*».

- Бывают, - выдавила она, - моё имя Эвелина и по документам. Эва была поражена. Неужели зэк думает, что она пользуется кличками? По себе всех судить привык?

- Сколько тебе лет?

- Двадцать.

- Ладно, Эвелина, - он поднялся с кровати. И, словно испугавшись, девушка в тот же миг инстинктивно отпрянула, вызывая недоумение на его лице.

Мужчина был огромным. Он резко остановился, его брови слегка поползли вверх.

- Ты чего дёргаешься как припадочная? Больная? Неврастеничка? - хмыкнул.

Эвелина пыталась бороться с мыслями. Но это так сложно. Сюда её доставили на расвете. Двое молчаливых мужчин в спортивных костюмах. Дали выпить чего-то горького и противного. Чтобы не дёргалась. Чтобы была поспокойнее.

Час назад, до того, как оказаться наедине с этим эком, Эвелина проснулась в машине у высокого бетонного забора с колючей проволокой наверху. Исправительная колония строгого режима № 5. Табличка висела криво, будто её пытались оторвать, но не хватило сил.

Друзья, приглашаю в горячую, остросюжетную новинку с непредсказуемым сюжетом, полную интриг и крутых поворотов.

= 2 =

Её сопровождающие молча сунули в руку охраннику на КПП папку с документами, кивнули в её сторону и отошли курить под навес.

Всё, что происходило дальше, слилось для девушки в кошмарный калейдоскоп событий: КПП, грубые окрики, унижительный досмотр, проводимый женщиной-конвоиром с безразличным лицом.

Конвоир дерзко шарила руками под короткой юбкой Эвелины, которую ей выдали люди Влада Дымова вместе с кричащим алым топом и туфлями на шпильках.

Дальше у Эвелины спросили, а нет ли у неё с собой чего запрещённого? Она отрицательно замотала головой, не в силах вымолвить и слова. Горло сжало спазмами ужаса.

А потом последовали бесконечные, серые, выложенные кафелем, пахнущие хлоркой, сыростью и чем-то ещё тюремные коридоры, лязг железных дверей, приглушённые голоса, шаги, стойкий и неприятный запах дезинфекции, страха, отчаяния и мужского пота.

Её привели в небольшую комнату, похожую на кабинет. Там сидел надзиратель, просмотрел документы, бросил на девушку оценивающий взгляд.

И вот она здесь. С эком. С паспортом на чужое имя, со справкой о якобы медосмотре, который она прошла в полуподвальном кабинете у пугающего молчаливого врача.

Александр внимательно рассматривал шлюху, которую доставили к нему для утех. Бабы у него не было уже добрых три месяца. Он рассчитывал сразу же схватить девку за волосы, толкнуть к стенке, нагнуть раком и как следует поиметь. Сбросить первый накал напряжения, так сказать.

Но, увидев вот это... эту...

Красивая. Нежная. Юная брюнетка. И... какая-то не такая.

В этой шалаве не просто одна маленькая изюминка есть, а целый камаз изюма.

Одним словом - неправильная проститутка.

Мужчина подошёл к холодильнику, достал две небольшие упаковки с соком, поставил одну перед Эвелиной. Сел напротив.

- Пей. Вид у тебя как у привидения. Расслабься немного. Алкоголя здесь нет. Потому что я не люблю пьяных баб.

Она машинально взяла коробку, но не открывала. Пальцы скользили по картону. Подрагивали. И он это заметил.

Похоже, что ему досталась самая трусливая на свете шалава. Трясётся перед ним как трусливый кролик. Не хватало ещё, чтобы её парализовало от ужаса или в конвульсиях разбило.

Вот уж точно к чему Александр не готовился, так это откачивать проститутку и делать ей дыхание рот в рот!

- Ну? - он открыл свою пачку, отпил, не сводя глаз с девушки, - что ты умеешь, Эвелина? Танцевать? Петь? Веселить публику? Или наездница из тебя искусная?

Это был прямой намёк. Провокация. Так ведь нужно понимать его слова?

Эва бросила на мужчину испуганный взгляд.

Она должна сейчас встать, начать раздеваться, сказать что-то похабное, сесть ему на колени?

Кажется, именно так поступила бы настоящая «девушка по вызову». Но её тело не слушалось. Оно цепенело от страха и отвращения к самой себе.

Эвелина сидела, стиснув зубы, чувствуя, как сложно сдерживать предательские слёзы. Ей даже не дали времени, чтобы она могла изучить, как нужно вести себя с этим татуированным индивидом.

Александр перестал пить. Он отставил сок в сторону, внимательнее взгляделся в шалаву. Если бы Эвелине хватило опыта, то его изумление она смогла бы ощутить физически.

Дымов видел много девушек, которых привозили на такие свидания. Они были разными: наглыми, уставшими, затасканными, циничными, жадными.

Но вот такой... Такой он точно не видел. Никогда.

Это какая-то игра с её стороны?

Она сидела, как на экзамене, одетая в пошлый, дешёвый наряд, который ей, кстати, совсем не шёл. Её ноги в тонких колготках дрожали. Глаза огромные, серо-голубые, полные такого чистого, неотёсанного ужаса, что это резало взгляд. Настоящий, животный испуг.

На хера такое разыгрывать? Она дура?

Кем-то запуганная?

Или предыдущий клиент оставил неизгладимый отпечаток в её жизни? Отойти никак не может?

Мужчина поджал губы. Снова впился взглядом в лицо девки. Её красота была какого-то иного рода. Не яркая и бросающаяся в глаза, как у «ночных бабочек», а какая-то... хрупкая.

Чистые линии лица, прямые брови, длинные и блестящие чёрные волосы, губы, которые сейчас кусались ею до крови. Она не была похожа на продажную девку.

Интересно, а где Влад такую эксклюзивную шалаву откопал?

- Раздевайся, Эвелина. Я хочу посмотреть, - он развалился на кровати, избавившись от брюк. На мужчине остались лишь трусы. И сейчас, в таком полуобнажённом виде, зэк казался Эве ещё более пугающим, - я не намерен дважды просить. Приехала работать - работай.

В его голосе появились раздражённые нотки. Эвелина с силой втянула воздух через нос, а после избавилась от блузки, чулок и юбки. Осталась в кружевном нижнем белье. Но не вызывающем или красном, как, наверное, ждали от «девушки по вызову», а в практичном бежевом бюстгальтере и трусиках.

Стояла, опустив глаза, скрестив руки на груди, пытаясь хоть как-то прикрыться. Сложно побороть стыд.

Александр мазнул оценивающим взглядом по её фигуре. Девка красивая. Ладная. Брат ему однозначно угодил, прислав такую. Но...

Мужчина замер на кровати с сигаретой на полпути ко рту. Его брови чуть приподнялись. Он медленно провёл взглядом от её бледного, испуганного лица к тонкой шее, хрупким ключицам, замершим рукам, стройным ногам, которые явно пытались спрятаться одна за другую.

Какая-то зажатая шлюха.

- Ты... новенькая? - спросил он, и в его голосе прозвучало недоумение.

Эвелина кивнула, не глядя.

- Опыта мало? - сразу же решил он. Теперь ясно. Если опыта мало с обычными клиентами в самых простых притонах. То на зоне она вполне могла испугаться.

Эва снова кивнула в ответ.

- Подойди, - хмыкнул он, затушил сигарету о стеклянный стакан, так и не сделав ни одной затяжки.

Визуал 1

Александр Максимович (Алекс) Дымов - гл. герой. 25 лет. Зэк. Жестокий и расчётливый, когда нужно. Справедливый и даже благородный по отношению к тем, кого считает невинными или слабыми. Умён. Обладает стратегическим мышлением и железной волей. Ценит действия. Балансирует между миром криминала, где вырос и миром совести, куда хочет вернуться. Алекс - брат Влада, друг Ростика.

Эвелина Витальевна Кравец - 20 лет. Гл. героиня. Студентка. Гордая, но не высокомерная. С обострённым чувством справедливости. Борется с чувством вины за то, что по-глупости втянула семью в беду.

= 3 =

Эва подошла, еле передвигая ноги. Остановилась в двух шагах от него. Он протянул руку, взял её за подбородок, грубо, но без особой жестокости, приподнял её лицо. Заставил встретиться взглядом. Его пальцы были твёрдыми и шершавыми.

- Мало опыта... говоришь. И уже на зоне пашешь? - Александру очень нравилась именно эта женщина. Давно у него не было таких красивых. Даже странно... Неужели жизнь так тяжела, что такая красивая девка решила собой торговать?

Впрочем, это его не касается. Мало ли на свете дурных, шальных, убогих и алчных?

У каждого в башке собственные тараканы носятся. И гоняться за каждым не вариант.

Эвелина опять просто кивнула, начиная раздражать мужчину своей немногословностью.

- Ведёшь себя словно немая, девочка, - он отпустил её, откинулся назад, опираясь спиной о подушки. Снова изучал её. Его взгляд был каким-то аналитическим, как у учёного, изучающего эксклюзивный и редкий экспонат, - приехав сюда, ты вообще на что рассчитывала? Что я тут с тобой буду чаи распивать? Или смотреть на то, как ты зажимаешься, словно в клетке с хищником? Я не садист. И не планирую тебя сожрать. Но и бревном здесь валяться не нужно.

- Нет... я...

- Расслабься, что ли. Ты вся деревянная.

Она попыталась сделать шаг ближе, но её движения были скованными, неестественными. Эвелина постаралась улыбнуться, но получилось подобие жалкой гримасы.

- Боже, - пробормотал он себе под нос, глядя в потолок, - три месяца ждал дырку... и вот тебе подарок.

Он резко встал. Эва инстинктивно отпрянула. Испугалась. Он зол. Она ему не угодила. Что теперь сделает с ней?

Ударит? Прибьёт?

Да что угодно. Он же убийца. Зэк. От такого можно всего ожидать.

Её реакция на него не осталась незамеченной. На лице мужчины мелькнуло что-то вроде досады и того же самого нарастающего недоумения.

- Сказал же, что не садист. Жрать тебя, на части рвать, бить, убивать и всякой прочей, дичи, которую ты уже нарисовала в своём воспалённом, трусливом и неопытном сознании, я делать не буду. Ложись. Сюда, - он крепко хлопнул по кровати крупной ручищей.

Эвелина невольно засмотрелась на его руки. Мощные. С тяжёлыми вен.

Девушка послушно легла на жёсткий матрац. Ей так хотелось отвернуться к стене, сжаться в комок или и вовсе исчезнуть, раствориться. Но... нельзя.

Руки мужчины одним движением сорвали с неё бюстгальтер и трусики. Вещицы полетели куда-то в сторону. Слышала, как он снимает штаны, как пружины койки скрипят под его весом.

Потом его руки коснулись её тела. Большие, горячие, покрытые той самой колючей татуировочной кожей. Она зажмурилась, впилась пальцами в одеяло. Всё внутри девушки сжалось в ледяной узел.

Эва подумала о маме. О брате. О холодных глазах Влада, который пригрозил ей: *"Играй роль"*.

Александр определённо не собирался долго церемониться. Его прикосновения были грубоватыми, жадными, нетерпеливыми и вовсе не нежными, но и особо жестокими их нельзя было назвать.

Дымов делал с ней то, зачем, как он считал, её сюда привезли. И плевать, что шлюха замирает перед ним, как тот кролик перед удавом. На зоне она впервые. Испугалась. Но он отогреет и снимет с неё стресс.

Его ладони скользнули по её бокам, обхватив тонкую талию, перевернули на грудь, принялись исследовать упругие, округлые ягодицы. Эвелина услышала, как мужчина часто задышал. Словно конь после пробега.

После её развернули. Она снова лежала перед ним на спине. Эва не сопротивлялась, позволив своему телу стать послушной куклой в огромных мужских лапах.

- Красивая, - прохрипел мужчина, сжимая грудь девушки, - это единственное, что останавливает меня сейчас от того, чтобы не послать тебя к чертовой матери. Мне нравится, когда шлюха понимает, как именно нужно доставлять удовольствие. Но у тебя такое шикарное тело, что..., - он осёкся, поняв, что много болтает.

Она видела его лицо над собой: квадратная челюсть, коротко стриженные волосы, пронзительные серые глаза, читающие её как открытую книгу, которую он, впрочем, листал, не думая о её интересах. Просто товар.

- Расслабься, - сипло бросил Александр, и его губы прижались к её шее. Они были сухие и горячие. Он не целовал, а впивался: жадно и требовательно. Даже сомнений не было, что теперь останутся следы от засосов.

Его пальцы продолжали исследовать её тело. Взгляд он бросил на руки девушки. Эвелине показалось, что зэк проверяет, нет ли на ней следов от уколов шприцев, не подсунули ли ему какую-то наркоманку. Он был осторожен даже в этом.

- Лежи. Не шевелись. Я хочу посмотреть на тебя. Когда скажу - включишься. Уяснила?

Она поспешно кивнула. Словно была рада, что он попросил её быть безучастной какое-то время.

Александр нравилась девка. Даже очень. Тело её оказалось неожиданно... изящным. Не тощим, как у многих залётных «ночных бабочек», а именно изящным, с мягкими, но чёткими линиями, округлыми во всех нужных местах.

Её кожа нежная, гладкая как шёлк, без единой татуировки, без шрамов, без следов от иглы. Чистая. Дорогая.

Влад, сука, постарался, подогнать ему такой эксклюзив. Угодил брательник.

Александр навис над женщиной, разглядывая её в тусклом свете.

Лицо Эвелины заметно бледное. Красивые глаза с длинными ресницами, тенью лежащими на щеках. Черты тонкие, нежные, даже испуг не мог исказить эту странную, хрупкую красоту.

Полные, слегка приоткрытые губы. Девчонка была так красива. Как фарфоровая куколка, которую жалко трогать грубыми, грязными руками.

Но именно эта её хрупкость, этот контраст с его огрубевшим миром, с этой камерой, с его собственным запачканным телом, начала раскалять его сильнее любой пошлой хабалки.

= 4 =

Мужчина прижался губами к шее Эвелины, чувствуя под ними бешеный пульс. Девчонка вздрогнула, как раненая птица. А он не стал её целовать в губы. Не для этого она здесь. Да и не целует он грязь, которая берёт в рот что попало и у кого попало.

Однако, её запах... Такой лёгкий, цветочный, не ядрёный и чуждый этому месту, ударил в голову, как крепкий самогон.

Его руки, исследуя тело девушки, неустанно скользили по всем изгибам. Пока вновь не сжали упругую грудь.

Она резко втянула воздух, тело девушки напряглось. Но эта её зажатость и отстранённость, этот явный ужас, который Эва пыталась скрыть, почему-то не охладили мужчину, а наоборот, разожгли пыл и страсть.

Эта девка не играет перед ним роль влюблённой стервы, которой он безумно нравится. Ведёт себя естественно. Не скрывает истинных эмоций. И это... задевает и подкупает одновременно. Нереально удивляет.

В его мире, где всё было просто и жестоко, эта сложность, эта игра в невинность, как он думал, была пикантной приправой.

Её пассивность Александр счёл профессионализмом: не суетится, не ноет, делает вид, что ей неприятно. И всё для остроты ощущений. И в этом что-то есть.

Он кайфовал не только от её тела, но и от своей власти над этой красотой, над её страхом. От того, что именно ему, Сашке-эку, привезли такую куклу.

Эвелина расширила глаза, когда мужчина избавился от последнего атрибута своей одежды и, полностью пребывая во власти нахлынувшего желания, растолкал в стороны её ноги.

Эвелина бросила взгляд на его член и испуганно сглотнула. Этот мужик огромен абсолютно во всех местах. Он умело и ловко раскатал по члену презерватив. В панике Эва перевела взгляд вверх, уставившись в потолок, где трещина расходилась лучистой звездой.

Её разум сейчас пытался улететь, отключиться, но каждое прикосновение, каждый звук, его тяжёлое дыхание, скрип койки, далёкие шаги по коридору - возвращали её обратно в жёсткую реальность.

Александр больше не желал сдерживаться. После разберётся, почему эта шлюха играет с ним в такие ролевые игры с Недотрогой в главной роли. А сейчас ему нужно пристроиться. В неё. А иначе сдохнет от перевозбуждения. Бабы у него уже давно не было. Три месяца так точно.

А эта... красивая, соблазнительная. Молоденькая и определённо незаезженная.

Он вошёл в неё резко, без подготовки, одним уверенным, сильным мощным толчком.

Желание было таким сильным, что он даже не обратил внимания на то, что его встретила тугая, неожиданная преграда.

Плевать. Смёл со своего пути, к чёртовой матери, всё, что ему мешало получать удовольствие здесь и сейчас.

Ничто теперь не имело значения. Лишь сладкая, узкая и горячая девка под ним, которую он принялся таранить, пытаясь удовлетворить свой сексуальный голод.

Острая, разрывающая боль пронзила Эву насквозь, выжав из лёгких короткий, сдавленный звук, больше похожий на стон.

Она вцепилась в одеяло так, что пальцы онемели, а зубы сомкнулись до хруста. В глазах потемнело, и слёзы, которые она так старалась сдерживать, выкатились из уголков глаз и потекли по вискам.

Мужчина однозначно услышал её стон. Настоящий, не наигранный, и почувствовал, как её тело вдруг затрепетало под ним. И, кажется, не от страсти, а от шока и боли.

На секунду он замер, ошеломлённый. А после словно и не заметил. Или не придавал значения. Но волна собственного удовольствия, долгожданного и огненного, уже накрыла его с головой. Тело, забывшее за месяцы неволи женскую ласку, взбунтовалось и яростно потребовало своего.

Узкая, обжигающая теснота её лона, её судорожные всхлипы, даже эта боль, которую он ей причинял - это всё смешалось в один пьянящий, животный и дикий коктейль.

Он был нежен? Нет. Он был жаден. Он брал то, что, как он верил, было куплено и оплачено. Мужчина мчался к своему наслаждению, как поезд под откос, глуша в себе мимолетное удивление тем, что девка была такая тугая и узкая.

Александр двигался с методичной резкостью, интенсивно, заглушая тихие всхлипы Эвелины своим тяжёлым дыханием.

Его движения были неистовыми, будто он хотел выжать из этих нескольких отведённых часов всё, на что имел право.

Он не жалел шалаву. Зачем жалеть платную девку? Он брал своё, то за что заплатил Влад.

Брал с бешеным аппетитом, с каким-то даже мрачным, яростным наслаждением, свойственным тем, кто долго был лишён самого простого.

Его руки впивались в её бёдра, оставляя красные отметины на нежной коже. Александр приподнимал девушку, слышал, как скрипит проклятая койка в такт его размашистым движениям.

Он кайфовал от каждого момента их слияния. От контраста грязных стен и этого чистого, пахнущего мылом и страхом тела под ним.

Она была прекрасна в своей беззащитности, и он, как варвар, рушил эту прекрасную хрупкость. И в этом разрушении было некое своё тёмное, запретное наслаждение.

Эвелине было неприятно. Омерзительно. До тошноты. До желания кричать и исчезнуть. Раствориться в пространстве. Провалиться под землю.

Каждое его движение отдавалось новой волной жгучей, разрывающей боли.

Его грубые руки казались калёным железом.

Его дыхание, пахнущее табаком и чем-то чужим, вызывало спазмы в горле.

= 5 =

Эва ненавидела каждый звук, каждый запах этого места, каждую секунду этого кошмара. Но сквозь пелену отвращения и ужаса пробивался ледяной, ясный голос разума:

«Сама виновата. Сама согласилась, пусть и не добровольно. Сама пришла сюда под видом продажной твари, потому что ей не оставили иного выбора. А этот зэк... Да он ничего не знает. Он ждал прожжённую шлюху. Он просто берёт то, за что заплатил. Ты - товар. Терпи».

Его мощные, сильные руки оставляли следы на её бёдрах. Мужчина приподнимал её, подминал, менял угол проникновения. Делал так, как было удобно ему.

Эта продажная шкура была для него лишь вещью, тёплым, живым, сладким и красивым объектом. Сосудом для слива лишней спермы и сброса избытка тестостерона, призванным на несколько часов заткнуть дыру бесконечного одиночества и тоски по женскому телу.

Эва морщилась, когда он говорил ей что-то на ухо. Это были хриплые, не всегда разборчивые слова. Не ласковые, а похабные, вульгарные.

Она старалась не слушать, пропуская его слова сквозь вату шока и боли.

Время растянулось до бесконечности. Казалось, что зэк никогда не перестанет таранить её своим членом. Никогда не выдохнется.

Боль постепенно притупилась, сменившись глухим, ноющим чувством где-то в глубине, ощущением собственной замаранности и разрушения.

Она уже не плакала. Просто смотрела в ту же трещину на потолке, мысленно идя по её лучам, как по дороге, ведущей прочь отсюда.

Эвелина не думала о зэке, который сейчас интенсивно трахал её. А проклинала его брата. Влада. Этого надменного подонка.

Он втянул её во всё это дерьмо.

Да лучше бы она его никогда не встретила. Лучше бы смолчала и сдержала свой гонор. Но... нет.

А теперь она может упиваться своей ролью в этом насилии над самой собой. И это было хуже физической боли. Она позволила этому случиться. Она вошла в эту клетку к хищнику.

И теперь он, этот незнакомый мужчина с грубыми руками и сверкающими глазами, просто... пользовался ситуацией. Пользовался ею. И Эва не могла его винить. Не за это.

Когда всё закончилось, Александр тяжело рухнул рядом, откинувшись на подушку. В камере повисло тяжёлое молчание, нарушаемое только его постепенно затихающим дыханием.

Пахло теперь здесь иначе: сексом, его потом, её страхом.

Эвелина лежала неподвижно, боясь пошевелиться. Всё тело ныло. Между бёдер было горячо, липко и больно.

Эвелина не понимала, как она вообще осталась жива. И это только начало. Ведь её привезли к нему на три дня.

Александр довольно захрипел. Наконец-то он смог оторваться с бабой. Хоть немного сбавил градус напряжения и опорожнил яйца. Поимел шлюху жадно, жёстко. Это ему, чёрт возьми, было нужно. Уже реально крышу сносило от желания пристроить член в какую-нибудь доступную дырку.

Мужчина потянулся за пачкой сигарет на тумбочке, щёлкнул зажигалкой. Оранжевый огонёк на миг осветил его профиль, затем погрузил мужское лицо обратно в полутьму, оставив видимым только тлеющий кончик.

Он затаился, выпустил струйку дыма в потолок. Потом его равнодушный, оценивающий взгляд скользнул в сторону девушки,

- Недурно, - хрипло произнёс он, больше для себя, чем для неё - хоть и деревянная ты, но до одури сладкая. И дырка у тебя неразношенная. Влад определённо знает толк в бабах. Он тоже трахал тебя?

Эвелина молчала. Его пошлые слова лупили её едва ли не наотмашь. Пыталась затолкнуть обратно слёзы и справиться с саднящим ощущением между ног.

О чём она должна разговаривать с этим сексуально озабоченным зэком?

Александр потянулся к ней рукой, не глядя, положил ладонь на живот девушки, поглаживая. Его пальцы были шершавыми, с ощутимыми мозолями.

Эвелине стало так страшно. Он желает продолжения? Нужно ему сказать. Иначе она отсюда живой не выйдет. Этот зэк в татуировках её на части своим членом разорвёт и не заметит.

- Ты немая? Я спросил, Эвелина, трахалась ли ты с Владом.

Она лишь покачала головой. Голос пропал. Словно охрипла. Не может произнести ни слова.

Мужчина повернулся на бок, оперся на локоть и вгляделся в девушку более пристально. Дым от его сигареты щекотал ей ноздри, раздражая. Эвелина не выносила запах сигарет. Но сейчас приходилось терпеть абсолютно всё.

- Чего молчишь? - спросил он, - обиделась, что ли? - он хмыкнул, усмехнулся, - да, я был резким и нетерпеливым. Но у меня давно не было женщины. А ты мне прямо скажем... очень понравилась.

Эвелина ощутила, как мужская рука сжала её грудь. Сильно. Почти до боли. А после он перекатил между пальцами сосок.

Больше всего на свете Эвелина желала бы сейчас остаться одна. Чтобы её не трогали, не мучили и позволили зализать раны.

Она попыталась что-то сказать, но искусанные в кровь губы не слушались. В итоге Эвелина снова просто покачала головой, отводя глаза.

Мужские пальцы опустились к её животу и внезапно напряглись. Алекс придвинулся ближе к девке. Его хищный взгляд стал острым, изучающим.

Он провёл рукой по бедру Эвы, там, где остались следы от его пальцев. Ещё не синяки, но яркие красные полосы.

Потом его рука скользнула ниже, туда, где у Эвелины всё полыхало жаром, болело и саднило.

= 6 =

Она замерла, сердце заколотилось где-то в горле, готовое вырваться наружу.

Что ему нужно? Точно намерен продолжать. Нужно что-то отвечать. Иначе погибнет.

Эвелина не сомневалась, что это татуированное животное не проникнется её словами и переживаниями. Ему плевать на неё. Важны лишь его собственные желания. Но и просто молчать нельзя.

Александр что-то пробормотал себе под нос. Кажется, даже выругался. Внезапно резко повернулся.

Его лицо, освещённое краем тлеющей сигареты, вдруг изменилось. Оно было искажено, но не злобой. А в его глазах больше не было холодного отчуждения или простого похотливого интереса. Там бушевала буря из изумления, граничащего с шоком, и какое-то острое, щемящее любопытство.

Мужчина схватил Эву за плечо: не грубо, но твёрдо и перевернул на спину. Она испуганно вскрикнула, увидев над собой лицо Александра.

В его серых омутах плескались волны абсолютного непонимания, сбивающие с толку сильного хищника.

Он резко отдернул руку от Эвы, как от огня. Словно обжёгся. Сел на койке, отбрасывая сигарету на пол и затаптывая её пяткой.

Скрип пружин прозвучал громко, как выстрел. Девушка снова повернулась на бок.

- Эй, - его голос стал тише, но в нём появилась стальные нотки, - повернись. К свету.

Эвелина не двигалась, парализованная страхом. Сейчас всё раскроется.

- Я. Сказал. Повернись! Что же ты такая непослушная! - его рука схватила Эву за плечо и снова грубо перевернула на спину. Луч слабого света из-за шторы упал на простыню между её бёдер.

Александр замер. Наклонился к ней, вглядываясь. У него уже давно не перехватывало дыхание в горле. Но сейчас был именно тот случай.

На серой, застиранной ткани алели яркие пятна крови. Неоспоримые. Реальные.

Наступила тишина, такая густая, что в ушах зазвенело. Мужчина медленно поднял глаза на девушку.

В его взгляде не было уже ни равнодушия, ни похоти. Там бушевало что-то тёмное и яростное: понимание, гнев, растерянность, даже что-то похожее на ужас.

- Что за... херня? - прошептал он, скорее самому себе, чем ей. Он схватил Эвелину за подбородок, заставив смотреть прямо в свои глаза, - Ты... Ты кто? Кто ты такая? - голос его звучал твёрдо, резко, с нотками изумления.

В глазах шлюхи Александр увидел слёзы. Он видел слёзы раньше. Много видел. На нарах их не стеснялись: слёзы боли, бессилия, ярости и порой даже радости.

Но то, что он видел сейчас - это было другое. Эти слёзы катились по щекам Эвелины тихо, почти стыдливо, словно она сама была шокирована своей слабостью.

Они были чистыми, прозрачными, и оставляли на её бледной коже мокрые тропинки. В них не было расчёта, не было попытки манипуляции. Лишь искренность. Только чистейший, животный страх и унижение, которое пронизывало её насквозь.

Александр перевёл дыхание и посмотрел на девушку так, будто видел впервые.

- Ты что, девственница?

Эва лежала, не двигаясь. Казалось, у неё даже дыхание остановилось. Провал. Полный. Сейчас зэк пойдёт жаловаться брату, напишет маляву-передачку, и тогда...

Перед её мысленным взором всплыло лицо матери: усталое, с морщинками у глаз. И маленького брата: озорное, улыбчивое.

И теперь её семье могут причинить вред. Всё из-за неё. Из-за её глупой гордости, из-за бокала вискаря, выплеснутого в самодовольную рожу криминальному авторитету.

Эвелина упорно молчала. Слёзы текли из её глаз ручьями, беззвучно, оставляя мокрые дорожки на пыльной коже щёк.

Ей больно, обидно и страшно. Этот зэк получил от неё то, что хотел. Пусть и дальше удовлетворяет свои примитивные желания. На черта он с ней разговаривает? Язык чешется?

Она сжала губы так, что они побелели. Эва пыталась обратно загнать рыдания, которые подступали к горлу комом.

Кивнуть? Сказать «да»? Это было бы признанием, что она обманула зэка. Что она никакая не профессиональная шлюха. А Влад сказал: *«Он не должен усомниться в тебе»*.

- Отвечай, чёрт возьми! - голос мужчины приобрёл металлические нотки. Стал требовательным. Он наклонился ближе, и Эва почувствовала его горячий мужской мускусный запах с примесью мыла, табака, мужского пота, секса, - где Влад тебя откопал? Из монастыря похитил? К чему всё это представление?

При упоминании имени его брата глаза Эвы, и так широкие от страха, округлились ещё больше. Зрачки расширились. Это была мгновенная, животная реакция, которую невозможно подделать или скрыть. Тело выдавало её раньше, чем она успела что-то сообразить.

Александр заметил. Не мог не заметить. Его собственный взгляд стал острым, пронзительным. Всё его внимание сфокусировалось на девушке.

-Прислать неопытную пай-девочку вместо..., - Алекс запнулся, - или...

Алекс провёл большой, покрытой татуировками ладонью по лицу девушки.

«Красивая девка», - с неожиданной досадой подумал он. И с такими он прежде избегал связываться. Предпочитал женщин, которые знают правила игры и умеют обращаться с мужскими причиндалами. А эта... эта была как случайно залетевшая в клетку к хищнику птица.

Алекс снова провёл взглядом по девичьей обнажённой фигуре, но теперь уже не как покупатель по товару. Взгляд стал аналитическим, сканирующим.

Вспомнил, какой была эта девушка, когда вошла к нему в камеру свиданий. Она сидела, сжав колени так плотно, словно пыталась исчезнуть между ними.

Её пальцы, сведённые судорогой, едва ли не впивались в её бёдра.

Это была поза не соблазнительницы, а жертвы, загнанной в угол.

И сейчас она лежит и трясётся. От боли. От страха. От того, что с ней сделают что-то плохое. И она не может побороть свой страх, хоть и отчаянно хочет.

Кое-как она справлялась с этой задачей. Но после того, как он оттрахал её, девка сломалась. Не может контролировать эмоции. Его мозг, отточенный годами в местах, где ложь была вторым языком, а маска - вторым лицом, начал работать с удвоенной скоростью.

= 7 =

Несоответствие номер один! Её взгляд!

У продажных женщин взгляд либо пустой, либо оценивающий, либо цинично-ласковый. У неё же в глазах читался чистый, неотфильтрованный ужас, смешанный с такой тоской, что аж в груди кольнуло. Эва смотрела на потенциального клиента, как кролик на удава, и в этом не было ни капли игры.

Несоответствие номер два! Реакция!

Не реагирует ни на насмешки, ни на пошлые намёки. Не огрызается, не парирует, не пытается взять инициативу. Она плачет. Как ребёнок.

Несоответствие номер три! Тело!

Она не демонстрирует его, а прячет. Каждый её мускул был напряжён в ожидании удара, а не ласки. Она не заинтересована соблазнить. Слово не понимает, как это делается.

И самое главное - её красота! Такая хрупкая и чистая.

Она била по Алексу сейчас, в этой серой камере, с неожиданной силой. Прямые чёрные волосы. Красивая линия бровей. Прямой нос. Полные губы. Идеальная фигура.

Александр заметил, как она покусывала нижнюю губу, чтобы остановить дрожь. На ней не было плотного слоя косметики, как у тех вульгарных девиц, кого обычно присылали.

Лицо было почти чистым, лишь ресницы, слипшиеся от слёз, казались неестественно тёмными. И девчонка такая молоденькая.

«Что за дичь Влад придумал?» - пронеслось в голове Александра. Брат любил изощрённые унижения, тонкие жестокости.

Мог прислать избалованную стерву, чтобы та морщилась от обстановки.

Мог бы прислать туповатую и алчную, с которой можно совсем не церемониться.

Но эту... Эту словно выдернули из другой жизни и насильно впили в это платье и в эту камеру, усадив ему на член.

- Проклятье! - процедил, - не сводя взгляда с девушки, - ты даже не шлюха. Совсем не одна из продажных шкур. Так... кто ты тогда? Будешь и дальше молчать? Онемела?

Эва не отвечала. Она просто лежала, сжавшись в комок, её трясло мелкой, неконтролируемой дрожью. Слова Влада звенели в ушах: *«Если разочаруешь его... то не поздоровится сначала маме, потом брату»*.

Молчание было её единственным оружием и единственной защитой. Хрупким, ненадёжным щитом, который уже дал трещину.

Александр встал. Надел трусы. Его движения были резкими, но не агрессивными, скорее, подвижными внутренним смятением.

Он отошёл к привинченному столику, с трудом вытащил из пачки смятую сигарету, зажёг.

Стоял почти обнажённый спиной к девушке, его мощные плечи были напряжены. Мужчина курил затяжками, выпуская дым резкими струйками, глядя в решётку на мутном окне, за которым моросил дождь.

Он дал Эвелине время отдышаться и собраться с мыслями. Знал, что девушке это необходимо. Нельзя на неё сейчас давить.

Прошло несколько минут. Для Эвы они показались вечностью. Каждый звук заставлял её вздрагивать.

Она ждала взрыва.

Ждала, что он бросится на неё, изобьёт, пойдёт звать охрану, чтобы её вывели и... и что? Вернули Владу? Отправили «на перевоспитание»?

Но взрыва не последовало.

Алекс обернулся. Сигарета дымилась между его пальцами. Его лицо было странно спокойным. Напряжение никуда не делось, но оно трансформировалось во что-то более сосредоточенное, аналитическое.

Он сделал ещё одну глубокую затяжку, прищуриваясь.

- Приходи уже в себя. Поговорим. Ты мне всё расскажешь. Пока время есть. У нас тут... - он горько усмехнулся, - вагон времени. Почему ты здесь? Откуда этот животный страх? И почему, чёрт побери, мой брат Владислав прислал ко мне на свидание перепуганную до полусмерти девственницу, заставив её притворяться тем, кем она не является?

Он подошёл ближе, но не сел на койку. Прислонился к стене рядом, скрестив руки на груди. Поза была не угрожающей, но и не расслабленной. Поза ожидания. Поза человека, который требует объяснений.

- Может быть, нужно позвать врача? Я не затраhal тебя до смерти?

- Не нужно никого звать, - выдавила из себя.

- Отлично. Говорить не разучилась. Уже хорошо, - его серые глаза встретились с её глазами, - ты сейчас боишься меня. Понимаю. Я ведь ээк, татуированный громила, который только что трахал тебя. Но поверь, сейчас ты в большей безопасности со мной здесь, чем с теми, кто тебя сюда загнал. Мой брат... я знаю, на что он способен. Влад горячий и порой бывает отшибленным на всю голову. Если он тебя запугал так, что ты сюда пришла и пошла на такое... значит, у него серьёзные козыри и рычаги давления на тебя. Так?

Эвелина увидела, как ээк снова выругался, кинул в сторону сигарету.

Девушка приподнялась на кровати, чувствуя, как между ног всё пульсирует.

- Я разочаровала тебя? - тихо спросила, пытаясь понять его настроение.

- Удивила. Так будет правильной сказано. Так какими судьбами ты здесь?

- Понадобились деньги. Владислав предложил заработать. Я согласилась.

- Ты где-то работаешь? Лёгких денег захотелось?

- В ночном клубе "Орион" работаю, - произнесла.

Александр прищурился, продолжая смерять её взглядом. "Орион" принадлежит Максиму Дымову. Их с Владом отцу. У Влада в доле клуба есть лишь небольшая часть. В частности та, которая относится к притону, где и водятся шалавы.

- И как давно ты знаешь Влада? Сколько дней работаешь в "Орионе"?

- Три месяца работаю.

- И за это время тебе никто не присунул? Как интересно! - Александр пытался понять, что в её рассказе правда, а что - нет. Но ни черта не понимал. Несостыковок дохрена и больше.

Девушка вся сжалась. Не спешила отвечать.

- У тебя есть парень? Жених или муж?

- У меня есть парень. Вернее, я с ним встречаюсь, но...

- Но ничего серьёзно. Иначе он бы трахнул тебя, - подхватил её слова Александр.

- Мне просто понадобились деньги, - повторила.

- То есть я стал твоим первым клиентом? А после того, как ты выйдешь отсюда, у тебя будут ещё клиенты? Ты работаешь в притоне моего брата? Верно понимаю? Новенькая?

- Да. Всё так, - не стала отрицать, помня об угрозах Влада.

Александр с отвращением посмотрел на девушку. Не понимал он её. Вот совсем. Красивая. Молодая. Вышла бы замуж и родила детей. Так нет же... Решила с одного члена на другой перескакивать. Правда думает, что это лёгкие деньги?

Что же, в его власти показать этой дуре - начинающей проститутке, что она ошибается и сильно.

- Можно мне в душ сходить? Я хочу привести себя в порядок, - попросила.

- Сходи. Душ там, - кивнул в сторону душевой, - не задерживайся. Я ещё не закончил с тобой. Выдешь - развлечёшь меня. Если деньги твоя основная мотивация, так ты должна

понимать, что просто так их тебе никто не даст, - он едва ли не пронзил девчонку острым взглядом, от которого у Эвы ноги подкосились.

Как же всё это мерзко. Противно. Он смотрит на неё как на грязь. Как на мусор. Как на кусок дерьма. И самое ужасное, что ощущала она себя ещё хуже.

Не заставила просить разрешение дважды. Неловко прикрываясь простыней, встала с кровати. Тут же застонала, едва ли не складываясь пополам от резкой боли в нижней части живота. Почувствовала, как по бёдрам потекли тонкие красные дорожки.

- Проклятье! - ругнулся Александр, словно не трахал тебя, а резал. Что за херня? - он встал, приблизился к девушке, а после довольно грубо вернул её на кровать.

Эвелина запаниковала. Что он хочет с ней сделать?

- Ноги раздвинь! - приказал.

- Послушай, может быть, хоть небольшой перерыв сделаем?

- Дура ты. И куда же ты полезла-то с такими куриными мозгами? Я всего лишь посмотрю, что там у тебя. Не хватало ещё, чтобы девка по вызову кони двинула на долгосрочном.

Эвелину едва ли не затрясло, когда он возвысился на ней. Мощный мужчина, молодой и горячий. И его взгляд... да он едва ли заживо не сжигает. Прожигает и пугает.

= 8 =

Крепкие пальцы вцепились в её бёдра и рванули в стороны. Эвелина лежала и не шевелилась. Вряд ли стоит смущаться его после того, как они познали друг друга в самом библейском смысле.

Но ничего не могла с собой поделать. Лежать в такой доступной и откровенной позе перед малознакомым мужчиной просто ужасно.

Александр устался между её ног, чувствуя, как сбивается дыхание. Никогда прежде так остро не реагировал на эмоции шлюх. Ему было всё равно.

- Разрывов нет. А всё остальное - заживёт, - сделала вывод. А потом встал с кровати и сделал шаг назад, - иди в душ, Эвелина. Приведи себя в порядок. Станет лучше.

Эвелина подчинилась. Мужчина вёл себя спокойно. Вроде бы адекватно реагировал на полученный «сюрприз». Но как дальше будет себя вести?

Неизвестно. Но почему-то Эве казалось, что будет продолжение.

Интересно, она хоть выживет? Или её вынесут из этой камеры?

Прикрыв двери в душевую, девушка включила тонкой струйкой тёплую воду. Присела на поддон, обхватив руками колени. Здесь было зябко. Но теперь, оставшись одна, поняла, что её прорвало. Зарыдала, затыкая рот кулаком, чтобы зэк не услышал. Но ей просто необходимо выплакаться. Дать выход эмоциям.

Ещё две недели назад в её жизни ничто не предвещало беды. Она работала в клубе «Орион». Скользила между столиками с подносом, на котором танцевали бокалы с золотистым виски и коктейли разного цвета.

Её ноги горели и спина ныла от усталости, но дежурная улыбка не сходила с лица. Потому что так было нужно.

В тот роковой вечер был её третий выход за ночь. До закрытия оставалось ещё четыре часа. Потом три часа на сон, и в восемь утра уже нужно быть в институте на установочной лекции.

Заочное обучение было не благом, а необходимостью. Заработанные деньги тратила на учёбу, учебники, продукты и проезд. Жила в однушке на окраине вместе с мамой и восьмилетним братом.

Мама тоже много работала. Медсестрой в больнице. И всегда брала дополнительные смены. Мужа у мамы не было. Первый муж - отец Эвелины, умер. А второй - оказался каким-то странным типом. Мама с ним резко рассталась. Даже не сказала, что родила сына. Боялась. С тех пор и живут втроём.

В «Орион» захакивали самые разные клиенты. Были среди них и бизнесмены, и криминальные авторитеты. Эва старалась не попадаться им на глаза.

Но Владиславу Дымову она мгновенно приглянулась. Две недели назад он впервые вцепился к ней, ухватив за запястье, когда она ставила на его столик бутылку с виски. - Ну и красивая же у тебя шкурка, - просипел он, разглядывая её с ног до головы, - Сколько тебе лет, птичка-райская? Двадцать? Иди сюда, поговори со мной. Присаживайся на колени!

Эвелина тогда вежливо высвободила руку, борясь с дрожью.

- Извините, я не могу. Я работаю.

- Всё можешь, - он улыбнулся, и в этой улыбке не было ничего человеческого или тёплого. Хищный оскал властного мудака.

- Меня ждут клиенты. Простите. Я должна...

- Я за всё заплачу. Сколько стоит твоя смена? Пятьдесят? Сто тыщ рубликов? Назови цифру? - небрежно произнёс, но глаза его горели нехилым интересом.

Эва попыталась уйти, но Владислав снова её поймал, на этот раз за локоть.

- Ты понравилась мне, Эвелина, - он прочитал её имя на бейджике, - я хочу тебя. Себе. И я всегда получаю желаемое.

- Я не... Отпустите, пожалуйста!

- Вот покатаю тебя на члене, а после отпущу. Может быть.

Взгляд Эвы мазнул по холёному, небритому мужскому лицу. Мужчина очень сильный. Он вооружён. Крепкий. Мощный. И опасный. От такого надо держаться подальше.

Его слова стали для неё такими грязными, пошлыми, мерзкими. Они липли к коже Эвы, как гадкая паутина.

И тогда, не думая, движимая слепым порывом отвращения и желанием вырваться, она схватила с его же стола полупустой бокал с виски и плеснула ему прямо в лицо.

Тишина, наступившая в их стороне, была оглушительнее любой самой громкой музыки.

Янтарные капли стекали по небритым щекам авторитета на белоснежную рубашку. В мужских глазах вспыхнул такой холодный ад, что у девушки перехватило дыхание.

- Хорошо, - тихо сказал он, вытирая лицо платком, - очень хорошо. Норовистая... С характером, значит? - а после просто разжал пальцы, отпуская девушку.

А после Эвелину словно в ад окунули. Десять дней этот Владислав буквально преследовал её. Первые пять дней он дарил ей цветы. Даже делал дорогие подарки: вещи, драгоценности, которые она не принимала.

Подкатывал как вполне себе адекватный мужчина. Но Эва знала, кого он из себя представляет на самом деле. И сторонилась его. Просила не преследовать. Дала понять, что он не интересуется её как мужчина. Вместе они не будут.

Но Влад не успокоился. Продолжал дарить цветы. Караулить её всюду, где она могла бы только появиться. Только теперь к цветам добавились и записки непристойного содержания у двери квартиры.

Машина, медленно ползущая за ней от работы до дома. Звонки в трубку, где слышалось только тяжёлое дыхание.

Она меняла маршруты, не спала, держала наготове баллончик с перцовкой.

Маму уговаривала не ходить на работу, но та только отмахивалась: *«Денег не будет, есть нечего. Криминал? Брось накручивать себя. Да кому мы сдались?»*

Эвелина думала, что отделается испугом. Что криминальный авторитет, которого все зовут просто Влад, посмеётся над дерзкой официанткой и забудет её. Как забывал о разбитых бокалах и не оплаченных счетах.

Но Влад не забыл. Он «психанул», как сам выразился, три дня назад, когда его люди толкнули Эву в лимузин с тонированными стёклами.

- Мне непокорные бабы нафиг не сдались, - сказал он, попыхивая сигарой, - но оскорбление надо смывать. Кровью. Или... унижением. А ты унизила меня.

В салоне пахло дорогим кожаным салоном и опасностью. Эвелину трясло.

- Ты, сука, все мои подарки отвергла. Я для тебя цветы выбирал. Лично. Золотишко дарил. Стерпел то, что ты вискарём мне в харю плеснула и после перцовым баллоном угостила. Да я перед тобой как тот Бобик прыгал на задних лапках. А ты непробиваемая. Дура? Гордая? Или набиваешь себе цену?

- Я же сказала, что...

- Заткнись. Да мне насрать, что ты там лепечешь. Со мной нельзя так поступать. Никому. И ты уяснишь этот урок. Мне ты теперь на хрен не сдалась. Стервозная недотрога. Баба переборчивая. Особенного ждёшь? Так я тебе устрою... Раз ты такая строптивая, можешь и дальше

бегать со своей перцовкой. Но за оскорбление, за унижение - ответишь. Надо мной из-за тебя теперь братва потешается.

- Но я ведь не просила вас...

- Сказал же, чтобы заткнулась. В общем так, кукла ряженая, у меня брат, Сашка. Сидит на нарах. Ему скучно. Скоро у него случится долгосрочное свидание. Он попросил... девушку. Чтобы скрасить досуг. Я решил - это будешь ты.

В панике Эвелина тогда закричала, попыталась вырваться. Влад только улыбнулся. А после отпустил её.

= 9 =

Но уже в этот же вечер пропала мама. Не вернулась с работы. Брат тоже исчез. Телефон у обоих не отвечал. Сердце Эвелины превратилось в комок ледяного ужаса.

Звонок раздался в три ночи. Незнакомый номер.

- Алло, - голос Эвы прозвучал как шёпот привидения.

- Эвик, привет, - голос Владислава был спокоен, почти ласков, - как настроение? Мамочку ищешь? И брательника потеряла?

Слёзы хлынули из её глаз сами.

- Где они? Что вы с ними сделали?

- Пока ничего. Живётся им хорошо. Кормят, поят. Ну, как собачек на цепи. Послушных милых пёсиков. А вот как дальше будет... зависит от тебя, птенчик.

Он снова ей всё объяснил. Неторопливо, смакуя детали. У него есть брат. Александр Дымов. Сидит. Обвиняют в убийстве. Что правда, что нет, не так и важно.

Важно, что брату скучно. И скоро у него долгожданное долгосрочное свидание. Он попросил «девушку». Не жену, не подругу, а именно девушку для утех. Проститутку.

- И я решил сделать брату роскошный подарок. Я отправляю к нему тебя, Эвик. Такой красивый, чистый подарок. Мой брат оценит.

- Нет... - вырвалось у неё, хотя она уже понимала, что слово это ничего не значит, - я не... Я не могу. Я не такая...

- Ты будешь такой, какой я скажу, - его голос потерял всю ласковость, стал стальным, - мама твоя будет такой, какой я скажу. И твой братик-соплек Алёшка тоже. Если ты откажешься, или сделаешь что-то не так, или разочаруешь Сашку... Знаешь, у меня люди неопрятные. Мусор после них плохо отстирывается. Поняла?

Она поняла. Всё поняла. Мир сузился до одной точки: спасти маму и брата. Во что бы то ни стало.

- Сашка ждёт шлюху. Опытную, весёлую, готовую на всё. Ты будешь ею притворяться. Он ни в коем случае не должен узнать, что ты не шлюха. И не смей проболтаться ему, что я тебя заставил. Если только он мне хоть намекнёт на такое, я сразу же перережу глотки твоим родственничкам. И не думай, что шучу. Мне всё равно ничего не будет. Я найду как погасить концы. А следом и тебя, шлюху, укатаю.

Эвелина молчала. Не дышала. Вот теперь она по-настоящему испугалась. Этот ублюдок не шутит. Если Влад такой подонок, то чего можно ждать от его брата-зэка?

- Проведёшь время с моим братом. Три дня. А после я отпущу твою маму и твоего брата.

- Как... м-мне тебе верить?

- Зубы бы тебе повыбивать за такой вопрос. Снова, с-сука, унижаешь меня, - рявкнул, - я слово дал. Моё слово что кремень. Не сомневайся.

Эвелина тихо всхлинула, чувствуя, что теряет голос.

А уже утром Владислав приехал к ней в дом. Схватил за глотку и прижал к стенке, устремляя взгляд в глаза. Сжал зубами сигарету.

- Ты сама так захотела. Не нужно было бесить меня. А ведь могло бы быть всё иначе. Стала бы моей женщиной. Я бы пылинки с тебя сдувал. Но ты... Будешь послушной на зоне? Следить за языком будешь?

- Буду, - прошептала она, глотая солёные слёзы.

- Умница. Завтра тебя заберут. Сначала свозят в медпункт, а после и к Саньку на зону. Оденся... соответствующе, шалава. Смазку и презики тебе кинут в сумку. Пригодится. Мой брат с тебя не слезет все эти дни. Может и до смерти затрахать. Он там голодный до бабьего тела. Сама понимаешь.

Эвелина в ужасе смотрела на мерзавца, так внезапно испоганившего ей всю жизнь.

- Будешь делать всё, что скажет Сашка. Играть роль. Он не должен усомниться ни в тебе, ни во мне. Если разочаруешь его..., – Влад сделал паузу, выпуская дым ей в лицо, – то не поздоровится сначала мамочке твоей, потом брату. А потом и тебе. Всё просто. Как в кино. Только съёмочная площадка – зона. И режиссёр – я. Усекла шалава? – он легонько стукнул её по лицу.

- Да. Только не трогайте маму и брата. Лешё всего восемь. Не пугайте его.

- Всё в твоих руках, Эвелиночка. Надеюсь, что на зоне ты перевоспитаешься. И не с таких спесь сбивали.

Тишина после секса в тюрьме особенная. Она не успокаивает, а давит. Она не расслабляет, а заставляет кожу покрываться мурашками от каждого мерзкого звука из-за двери.

Александр лежал на спине, глядя в потолок. Курил, выпуская дым тонкой, целенаправленной струйкой.

Алекс думал о словах шлюхи. Над теми немногими её словами, что она проронила между рыданиями.

«Мне нужны были деньги. Очень. ...»

Вот и всё. Просто и ясно. До банальности. До тошноты. Продалась. Как и любая продажная дешёвка.

Вся её первоначальная скованность, дрожь тела, эти растерянные большие глаза – всё это теперь складывалось в голове Александра в другую, более понятную ему картинку. Невинность? Да хер там.

Просто неопытность. Новичок в профессии. Боится. Конечно же ей страшно. Первый раз на таком «заказе», да ещё и в тюрьме с эком.

Её страх был к зеку, которого закрыли за убийство, и к зоне, а вовсе не к ситуации в целом. Она боялась, что клиент будет недоволен. Даже поинтересовалась, а не разочаровали ли она его!

Боится, что не заплатят за плохую работу? Что её репутация «ночной бабочки» пострадает.

- Алчная маленькая дурочка, – тихо процедил мужчина, затушив окурок о бетонный пол, – красивая. Думала, ноги раздвинет и деньги потекут рекой? А попала на зону, к мужику-зеку, который три месяца не видел бабы. Испугалась, что загнётся под “напором”?

Александр никогда не понимал таких баб. Вот чего ей не хватает? Если так нужны деньги, их ведь можно заработать и иным способом. Девка очень красивая. Такая бы легко могла замуж выйти.

В голове Алекса мелькнула мысль о том, что брат мог прислать ему девственницу в качестве издевательства какого-то вида. Ведь Влад ещё тот выдумщик. Порой умеет изощряться.

Но теперь такое предположение казалось абсурдным. Влад – прагматик. Зачем такие сложности?

Нет, в данном случае с этой шлюхой всё намного проще. Брат просто купил для него девушку по вызову. Красивую, чистую и, наверное, очень дорогую, раз такую молодую и невинную прислал.

А она, актриса, ещё и прикидывалась недотрогой, чтобы цена казалась выше. Играла на его, эковской, тоске по чему-то чистому.

Её невинность в данном случае мало что значит. Все продажные девки когда-то были чисты и невинны. Все с чего-то начинали. Как начала и эта. И через какое-то время она непременно превратится в видную проститутку.

Злость, густая и тёмная, поднялась откуда-то из самой глубины мужской души. Не на Влада. Нет. На “нее”. На эту актрисульку с мокрыми ресницами.

На секунду она посмела заставить его почувствовать некое подобие сожаления, жалости. Он, Александр Дымов, пожалел шлюху, которая приехала к нему зарабатывать деньги своим телом!

Его пальцы сжались в кулак. Приехала работать - значит будет работать. Надо её проучить. Чтобы запомнила. Чтобы поняла, с кем имеет дело. Нужно показать, кто здесь хозяин её тела.

Алекс резко сел на койке. Пружины звякнули. Скинул с себя одежду и направился в душ. К ней.

= 10 =

Эвелина настолько сильно ушла мыслями в себя, что и не поняла, как долго сидела на поддоне в душевой.

Вздрогнула, услышав грубый мужской голос.

- Вставай, - голос зэка прозвучал низко, без эмоций, как команда.

Эва вздрогнула, медленно повернулась. Её глаза были красными от слёз, лицо бледным. Она смотрела на Алекса с вопросом и новой волной страха.

Он поймал этот взгляд и внутренне усмехнулся. Кажется, шалава боится, что ей не заплатят. Бабки - единственный её мотив.

- Всё. Хватит валяться здесь внизу. Давай помоемся.

Она замерла, пытаясь понять, что он задумал.

- Под душ. Иди! Живо! - скомандовал.

Эвелина бросила отрешённый взгляд на душевую лейку, раковину и дырку в полу, куда текла вода с поддона. Роскошь для долгосрочных свиданий.

- Я... я потом помоюсь, - прошептала она, - задумалась. Извини.

- Я сказал - сейчас. Вместе. Или ты думаешь, я тебя сюда для того пригласил, чтобы ты без дела всюду валялась?

Его тон не оставлял пространства для возражений. Мужчина возвысился над ней. Выпрямился. Отчего стал казаться таким огромным, мощным и страшным. Его тень накрыла девушку.

Эва встала рядом с ним. Пространство здесь было тесным даже для одного человека. Для двоих - интимным до клаустрофобии.

Он включил воду. Холодная струя ударила по кафелю, быстро согревая помещение. Пар начал заполнять маленькое пространство.

Эва стояла, прижавшись спиной к холодной стене. Её глаза были полны паники. Александр лишь усмехнулся, размышляя над тем, как дорого она берёт за такие глаза.

Взгляд мужчины прошёлся по телу девушки: юному, красивому, стройному, с гладкой кожей без изъянов и татуировок. Совсем девчачьим.

Он чувствовал, как желание снова начинает разгораться где-то внизу живота, подпитываемое злостью и властью над этой красотой, которую доставили сюда специально для него.

Вода окатила их обоих. Он взял кусок дешёвого серого мыла и протянул ей.

- Мой меня, - приказал.

Эвелина взяла скользкий брусок, её пальцы дрожали. В мужчине явно что-то изменилось. Он злится. Сильно. Похоже, она его чем-то прогневала. Хоть и сама не знает чем именно. Её неопытность его раздражает?

И как быть, если зэк пожалуется Владу? Тот псих убьёт маму и брата.

Нужно постараться угодить ему. Любой ценой. В глазах Влада было столько решительности... Его слову Эва почему-то верила. Он сказал, что отпустит маму и брата, если трехдневное свидание пройдёт гладко. Оно и должно пройти гладко. А после Эва отмоется, постарается забыть обо всём. Убедит маму и брата уехать из города. Далеко.

Алекс повернулся к девушке спиной. Эвелина уставилась на мощную мужскую спину, в которой, как казалось, был идеально проработан каждый мускул. А после прикоснулась. Её прикосновения были неуверенными, скользящими, будто она боялась обжечься. Мыльная пена потекла по его татуированной спине, по стальным мышцам.

Он стоял, расставив ноги, наслаждаясь её неумелыми движениями. А прежде и не думал, что такая неловкость шлюхи может доставлять удовольствие.

- Хорошо, - сказал он через некоторое время, не оборачиваясь, - теперь помой меня спереди.

Она замерла, когда Александр обернулся. Вода стекала по его лицу, по груди, по всем татуировкам. Он смотрел на неё сверху вниз. Девушка была меньше его, такая хрупкая, вся съёжившаяся под струёй воды.

Эвелина уставилась на его готовый к бою член. И теперь точно поняла: не просто так он ввалился в душевую. Хочет её. И получит. Придётся терпеть.

- Ты слышала меня? Приступай, - его взгляд едва ли не прожигал девушку насквозь. Эвелина чувствовала, как он неустанно наблюдает за ней.

Медленно, будто в трансе, Эвелина подняла руки, сжимая мыло. Стала мылить его грудь, кубики на животе, избегая смотреть ниже. Её движения были механическими, но нежными.

Александр поймал её запястье. Кожа была тонкой, кость казалась такой хрупкой под его пальцами. Видел, как ей непросто справляться с собой. Как сложно наступать на горло тому, что когда-то было гордостью.

- Я закончила, - произнесла омывая его тело, - Эвелина почувствовала, как сердце заби-лось быстрее, словно пытаясь вырваться из груди. Взгляд Александра не отпускал её.

- Нет. Не закончила. На колени опустись, - прошипел он, - ты знаешь, что мне нужно. Или в твоём «салоне» не учили, как угодить клиенту?

Понимание, а затем ужас медленно накрыли её лицо. Она попыталась вырвать руку, но его хватка была стальной.

- Или ты думала, что мне одного раза хватит? Я ещё хочу. Ты приехала работать? Так работай. Он толкнул её вниз. Эвелина присела перед ним, уставившись на его член, которым он тыкал её в губы.

- Я... я не умею, - выдохнула она, и в её голосе снова запрыгали предательские нотки паники.

- Научишься. Считаю, повышаешь квалификацию. Дорого же ты, наверное, берёшь за свою невинность. Покажи, что умеешь за эти деньги.

Алекс не отпускал её запястье, направляя её руку вниз. Его взгляд был тяжёлым, требовательным, без капли снисхождения.

Её губы дрогнули, она не могла отвести взгляд от его глаз. Страх сковал её, превращая в безвольную куклу в его руках.

Зэк хищно наблюдал за девушкой, словно наслаждаясь её замешательством, её беспомощностью.

Эва закрыла глаза, как будто пытаясь спрятаться от реальности. Её ресницы, мокрые от воды или слёз, дрожали. Она сделала то, что он требовал: сжала пальцами член. Именно сейчас в ней зародилось новое и пугающее осознание того, что она уже не та, кем была раньше. И никогда не сможет стать прежней.

Её прикосновения были неуверенными, робкими, полными отвращения к самой себе. Техники - ноль. Опыта - ноль.

Девушка делала это так, как, наверное, представляла по фильмам или похабным анекдотам: неловко, неумело, торопливо.

Но парадокс был в том, что именно эта неумелость, эта неопытность, эта дрожь в пальцах, это полное отсутствие профессионализма... заводили Алекса сильнее, чем любая искусная работа опытной жрицы любви.

= 11 =

Эвелина чувствовала, как внутри неё всё сжимается в тугой узел, протестуя. Она жутко волнуется, боится и не хочет исполнять все его изощрённые прихоти.

Но она справится с этим. Иного выхода нет. Алекс видный и красивый мужчина. Хорошо, что хоть к дряхлому и вонючему старику не попала.

Взгляд девушки вновь прошёлся по мускулистому и совершенному мужскому торсу. Она заметила несколько отметин, идущим по рёбрам. Интуитивно понимала, что это следы от ножа.

Алекс слегка склонил голову, наблюдая за Эвелиной. Его пальцы вцепились в её волосы, пропустили пряди, а после он притянул её голову ближе к своему паху. Кажется, за всю жизнь он ещё не видел ничего более соблазнительного, чем вид этой обнажённой женщины, стоящей перед ним на коленях.

Мужчина пристально наблюдал, как хрупкие пальчики девушки сместились к основанию члена, а после робко провели по всей длине. Член в её руках напрягся ещё сильнее, отчего Эвелина заметно дёрнулась, словно испугалась.

- Решительней действуй, - прошипел мужчина, усиливая хватку в её волосах.

Эвелина перевела дыхание, закрыла глаза и обхватила твёрдый ствол губами, привыкая к новому ощущению. Противно не было. Но она чувствовала себя униженной, раздавленной. Именно шлюхой.

Пытаясь скрыть предательские слёзы, несколько раз: вверх и вниз, провела губами по стволу от основания к головке, ощущая всю его мощь и длину.

- Активнее. Глубже возьми, - фыркнул мужчина, надавливая ей на затылок пальцами, показывая чего именно ему хочется.

Эвелина заскользила губами по члену, а после приняла его глубже, впустила в рот. Её пальцы крепко сжали ствол, а затем принялись поглаживать, имитируя движения при акте.

По реакции мужчины поняла, что делает всё правильно. С его губ сорвался довольный стон. Алекс тяжелее задышал. Его хватка на её затылке стала крепче.

Принимать в рот агрегат столь крупных размеров было сложно. Он такой большой, твёрдый и горячий. Эвелина не понимала, как и что она толком должна делать, но он сам направлял её.

Внезапно мужчина крепко зафиксировал её голову, а после буквально засадил член ей в глотку, сделав несколько резких движений. Из глаз Эвы брызнули слёзы. Ей казалось, что она сейчас задохнётся.

Инстинктивно упёрлась руками в его бедра, словно пыталась оттолкнуть. Но он держал её крепко. Зафиксировал. Не вырваться.

Через несколько движений Алекс отстранился, позволяя ей отдышаться. А после вновь засадил ствол в глотку максимально глубоко, не считаясь с её неудобствами.

Эвелина тихо заскулила, пытаясь справиться с бурным мужским напором. Но он словно ничего этого не замечал. Жёстко трахал её глотку, хрипел в такт движениям.

Не в силах более это терпеть, понимая, что задыхается, Эвелина толкнула его в бедра.

Мужчина не стал упорствовать. Кажется понял, что ей необходима передышка. Отстранился, внимательно наблюдая за ней.

Эвелина часто дышала, хватая губами воздух. По её щекам текли тонкие дорожки слёз, по подбородку стекала слюна.

Жалкая картина. Очередная шалава у его ног. Только опыта в этой совсем не чувствуется. И хорошо. Надоело уже всякую грязь трахать. А эта временно лишь ему одному принадлежит.

Впрочем, выйдет отсюда и станет уже общественной.

Почему-то эта мысль задела Алекса. Кольнула. Пробуждая внутри него очередной виток злости на неё, за то, что такая красивая и так действует на него. И на себя, что столь эмоционально реагирует на неё.

Он смотрел на нее, на её дрожащие плечи, на слёзы, которые, казалось, смывали с её лица остатки достоинства, и в нём боролись два чувства. С одной стороны, отвращение к этой уязвимости, к этой беспомощности, которая так напоминала ему о его собственном внутреннем опустошении. С другой - странное, почти болезненное желание защитить дуру от этой жалкой участи.

Алекс видел в ней не просто очередную игрушку, а что-то большее, что-то, что пробуждало в нём давно забытые инстинкты. Её невинность и красота, даже искаженная слезами и отчаянием, была неоспорима, и эта красота, как яд, проникала в него, вызывая бурю эмоций, которые Александр привык подавлять.

= 12 =

Александр провёл пальцем по соблазнительным, полным губам девушки, а после приподнял её подбородок, вынуждая её смотреть на него сверху вниз.

- Мне нравится как ты это делаешь, Эвелина, - произнёс, а после надавил на её щёки и сместил руку на затылок.

Эва поняла, что он намерен продолжать. Успела лишь вздохнуть, прежде чем он снова заполнил её рот и грубо принялся засаживать ствол в самую глотку.

Когда ей уже стало казаться, что она не вынесет этого унижительного издевательства и просто задохнётся, умрёт, его член дёрнулся и принялся наполнять её рот спермой. Мужчина не оставил Эве ни одного варианта, кроме как проглотить всё.

Когда Алекс отстранился, она принялась ловить губами воздух, продолжая стоять на коленях перед ним на скользком, грязном полу душевой, отвернувшись, давясь и кашляя, стараясь сделать это тихо, сжавшись в комок.

Вода лилась на неё, смывая следы его власти. Эва выглядела не просто униженной. Она выглядела сломанной.

Не могла найти в себе сил подняться. Слишком потрясена. В горле всё горело, саднило и болело. Это просто ужасно.

Из глаз снова брызнули слёзы. Сейчас Эвелина ненавидела не зэка, а себя. Как она сможет жить с этим? Да её просто уничтожили. На части разорвали. Как ей вынести такое?

Александр наблюдал за девушкой, не сводил её острого взгляда. Видел её потрясение.

- Ты прежде ни у кого не брала в рот? - не мог не спросить. И ему очень хотелось, чтобы она подтвердила его догадку.

- Нет, - прохрипела, пытаясь обрести голос.

- Значит, твой ротик не такой уж и грязный, да? - Александр, глядя на её согнутую, трясущуюся спину, почувствовал не триумф, а странную, леденящую пустоту. Потому что в её позе не было ни капли игры. Ни грамма расчёта. Это было настоящее, животное отчаяние.

Эвелина ничего не ответила. Едва ли не упала, поскользнувшись. Алекс подхватил её под локти, поднял на ноги. Снова всмотрелся в её глаза полные боли. Ничего. Лучше сейчас пусть поймёт в какую профессию ударяется, а после делает выводы.

Эвелина настолько сильно была ошеломлена происходящим, что почти не чувствовала, как мужчина лапал её грудь, сжимал соски и даже вбирал их в рот. Ему точно понравилось её тело. Зэк не мог от неё оторваться. И дело здесь не только в том, что он изголодался по женскому телу. Эва чувствовала, что нравится ему как женщина. А иначе он прогнал бы шлюху-неумёху.

Сейчас уже Александр мыл девушку. Она была не в состоянии привести себя в порядок. Что заставило Алекса подумать о том, что, может быть, её история про деньги лишь верхушка айсберга? Вдруг за этой «алчностью» стоит что-то такое, что заставило эту, явно не уличную девчонку, согласиться на это?

Выйдя из душа, Алекс надел трусы, а Эвелина закуталась в халат, привезённый из дома.

Алекс отошёл от койки, снова закурил, давая ей пространство. Но его мысли уже не были такими ясными и злыми. В них появилась смутная, неприятная тревога. Он проучил шлюху. Получил то, что хотел. Но вкус победы был горьким и сомнительным.

Видел, как она, не поднимая глаз, молча, с мертвенно бледным лицом, потуже завязывает пояс халата. Пытается казаться бодрой. Но у неё точно не получается. Каждое движение давалось ей с трудом.

- Эй, - хрипло позвал он.

Она вздрогнула и медленно повернула к нему лицо. В её взгляде не было ни ненависти, ни расчёта. Только пустота, боль и усталость. Она выглядела такой униженной.

- Твои деньги... - он сделал паузу, подбирая слова, - их тебе передадут. Всё, что договорено?

Она просто кивнула, без интереса, будто речь шла не о плате, а о погоде. Эва знала, что никаких денег не будет. Хорошо, если маму и брата вернут. А после им придётся снова выживать и искать новую работу.

И это её абсолютное безразличие к деньгам в тот момент, когда, казалось бы, она должна была быть заинтересована в них больше всего, сильно удивило Алекса. С девушкой определённо что-то не так. Что-то очень и очень не так. Понять бы что именно?

Поработала сейчас и разочаровалась? Возможно.

- Нам скоро принесут ужин. Что ты будешь? - он откинул в сторону сигарету.

- Ничего. Спасибо. Я не голодна, - сдержанно ответила Эвелина.

Да ей сейчас ни кусочка в горло не влезет. Она не может есть.

Тупая боль слегка пульсировала внизу живота, вторя ударам сердца.

Колени горели от того, что стояла на них на скользком кафеле в душевой.

Мышцы ломило от постоянного, животного напряжения, в котором она провела все эти бесконечные часы.

Горло болело.

Но эта физическая боль была лишь эхом, отдалённым гулом. Настоящая катастрофа происходила внутри Эвелины, в той её части, которую она раньше называла душой. Теперь это было просто пустое, выжженное место.

Эвелина не плакала. Слезы словно кончились. Осталась только тихая, всепоглощающая ярость. Не на него. На себя.

Идиотка! Он видел её насквозь, этот покрытый татуировками зэк с пронизательными серыми глазами ледяного шторма. Он решил проучить. Наказать её за то, что она такая неумеха? Проучил. Унизил так, как она и представить не могла.

Каждое прикосновение его рук, каждый его приказ, каждый её собственный жалкий, покорный жест... какой-то кошмар. Особенно душ. То, что было там, на коленях, в потоке воды... Она чувствовала его мускусный вкус и отвращение у себя во рту, когда он кончил. Когда заставил её всё это проглотить.

Эву снова и снова начинало тошнить от отвращения.

- Ты весь день не ела. Разве не проголодалась? - Алекс приблизился к ней, - или ты уже наелась в душе? - он самым наглым образом намекнул ей на то, что она могла наесться тем, что он спустил ей в рот. Ему смешно? Ей точно нет. Эва не могла сейчас реагировать на эти пошлые словечки.

- Я просто не хочу есть. Ешь сам.

- У нас с тобой ещё два дня здесь. Вместе. Я не желаю, чтобы ты ослабела или голодала. Я сказал, Эвелина, что ты будешь есть. Значит ты будешь.

Эвелина опасалась спорить с ним.

- Хорошо, - ничего иного в этой ситуации ответить не может. Ведь он давит на неё.

- Вот и умница. Пока ты здесь, Эвелина, ты делаешь то, что я говорю. Это ясно?

- Ясно, - тут же согласилась.

= 13 =

Еду принесли минут через двадцать. Два алюминиевых подноса с одинаковыми порциями: гречка с тушёной, компот из сухофруктов, кусок хлеба. Александр отодвинул свой поднос к центру стола и кивком указал Эвелине сесть на второй стул.

- Ешь, - сказал он просто, не приказывая, а констатируя факт.

Эвелина машинально подчинилась, взяв ложку дрожащими пальцами. Есть не хотелось, ком стоял в горле, но нужно было чем-то занять руки, спрятать взгляд.

Она ковырялась в каше, откладывая крупинки в сторону. Ей приказано есть. Нельзя разочаровывать ээка.

Александр активно поглощал пищу, с аппетитом, без брезгливости. Мужчина наблюдал за девушкой. Видел, как она аккуратно отрезает крошечный кусочек хлеба, как избегает кусочков мяса, отодвигая их на край тарелки, как почти не пьёт.

Её движения были слишком утончёнными для «девки с района», слишком бережливыми для той, кому «хорошо заплатили». Каждая клеточка её тела кричала о напряжении, а не о развязности.

Он доел, отставил поднос и, откинувшись на стуле, уставился на неё.

- Ты почти ничего не съела.

- Я не могу. Прошу тебя, можно мне позже поесть.

- Не проголодалась? Или в чём причина?

- Горло болит, - фыркнула она, отворачиваясь, говоря ему правду.

Он прищурился. Но не отвесил никаких пошлых словечек в ответ. Понимал, она не врёт. Знает, что жёстко поимел её в глотку. Учитывая, что девчонка не привыкла к такому обращению, то, должно быть, у неё всё тело ломит.

- Ладно. Садись рядом, - он разместился на кровати и хлопнул ладонью по матрасу рядом с собой.

Эва подчинилась. Посмотрела на мужское лицо, которое сейчас казалось ей особенно хищным. Он словно пытался считывать все её эмоции.

- Так. Давай по порядку, - начал он, его бархатный голос словно заполнил тесную камеру, - с кем ты живёшь, Эвелина?

Вопрос застал её врасплох. Она подняла на него глаза, встретив холодный, аналитический взгляд. Кажется, что уже отвечала. Или нет? Или он забыл, если снова спрашивает? Или подловить хочет её на обмане?

- С... с мамой. И братиком, - выдохнула Эва, тут же пожалев о сказанном. Лишняя информация - лишняя уязвимость.

- Братику сколько? - тут же последовал вопрос.

- Восемь. Он ходит во второй класс.

- Отец?

- Нет. У меня нет отца.

- Почему? Оставил вас?

- Умер, когда я была совсем маленькой. Потом мама познакомилась с мужчиной. И у меня появился братик Алёша.

- Мама не вышла замуж за своего нового мужчину?

- Нет.

- Не позвали?

- Мама сама оставила его. У них не срослось. Я не вникала в личную жизнь мамы.

- Она такая же шлюха как и ты?

Его последний вопрос уязвил Эвелину.

- Мама никогда не была шлюхой. Не говорите так о ней.

- Ладно. Ты говорила, что у тебя есть парень?

- Д-да, - выдавила из себя, не понимая уже, как можно избежать этих вопросов. Зачем ему всё это знать? Пусть трахает и не задаёт вопросов. Мало того, что он тело её терзает, так ещё и в душу лезет. Но никаких возражений озвучить не может. Нельзя огорчать ээка. Иначе тогда огорчится Влад. И будет плохо маме и братику.

- Сколько лет твоему парню? Как его зовут?

- Илья. Ему двадцать шесть, - отвечала девушка, чувствуя себя как на допросе.

- И где он работает?

- Барменом.

- Знает, кем его девочка подрабатывает? - в голосе Александра послышалась едва уловимая, колючая нотка.

- Н-нет. Не знает, - это тоже была правда. Ни Илья, ни кто-либо другой в её настоящей жизни не мог и предположить, где она сейчас.

Александр помолчал, скрестив мощные татуированные руки на груди. Замолчал. Тишина давила, звенела в ушах.

- И почему вы с этим Ильёй не были близки? Он импотент? Иначе как объяснить, что он ни разу не вставил такой красивой кукле, как ты?

Эвелина почувствовала, как горит лицо. Она замерла, не зная, что сказать. Правда была неприемлема.

- Мы... мы ждали свадьбы, - прошептала она, ненавидя себя за эту детскую, старомодную фразу, которая вырвалась помимо воли. Это была её настоящая правда, та, что жила в ней с шестнадцати, когда она решила, что её первым и единственным будет муж. Но... у судьбы на всё свои планы. И даже таким невинным мечтам порой не суждено сбываться.

В камере стало так тихо, что даже слышно было, как за стеной кашляет кто-то из конвоиров. Александр не шевелился, но Эвелина почувствовала, как что-то изменилось в его лице. Оно стало острее. Эмоции уже не те. Он смотрел на неё так, будто разглядывал сложный, противоречивый пазл.

- Ждали свадьбы, - медленно повторил он, - а тут вдруг... выгодный такой контракт, - он сделал паузу, давая словам достичь цели, - какая выгодная работа. Проститутка! Мечта, да?

Вопрос был поставлен нарочито провокационно.

- Что-то типа этого, - пролепетала, невольно чувствуя, что краснеет.

- Как интересно. Ты вляпалась в кредит? - предположил, - поэтому деньги нужны?

- Мне просто нужны деньги, - повысила голос, давая понять, что он надоел ей своим допросом.

- Алчная такая?

- Да. Алчная, - фыркнула. Не понимая уже, когда он от неё отвалит. Достал!

- Ладно. И как ты себя чувствуешь сейчас? Готова продолжать... отрабатывать?

- Да.

- Ничего не болит?

Эвелина сглотнула ком в горле. Он решил поиздеваться над ней? Впрочем, неважно. Эти Дымовы только и делают то, что унижают, причиняют боль. Хорошо, если и вовсе не убьют.

- Нет. Не болит, - ответила, отводя в сторону взгляд.

С резким скрежетом Александр пнул ногой стул в сторону. Встал с кровати, и его громадная тень накрыла Эву. Он подошёл вплотную, не касаясь её. Эвелина сжалась, ожидая грубости.

Но он лишь наклонился, и его голос прозвучал тихо, почти интимно, прямо у её уха:

- Врёшь, девочка.

= 14 =

Эвелина ничего не ответила. А Алекс не стал настаивать на дальнейшем разговоре. Всё предельно ясно. На сегодня разговаривать больше не о чем.

Эвелина уже была благодарна Алексу за то, что оставил её в покое и больше не трогал. Они легли спать. Девушка сжалась в комок под одеялом, пытаясь стать меньше, исчезнуть. Но бежать было некуда. Только эти четыре серые стены, тяжёлое мужское дыхание за спиной и звон тюремной тишины за дверью.

Лежать полностью обнажённой с мужчиной в кровати было до ужаса непривычно. Но Алекс запретил ей хоть что-то надеть. Его желания не обсуждаются.

Мужчина прижал её к себе на узкой койке. Но не спешил засыпать. Задумался.

Нужно будет вызвать Влада к себе послезавтра. И ещё Ростислава. Ростиславу Алекс доверял, чего не всегда мог сказать о брате. Влад слишком резок, вспыльчив и порой до ужаса заносчив. Мстителен, если задеть его за живое или, не дай бог, задеть мужское самолюбие.

С этими двумя нужно будет поговорить об Эвелине. Особенно Владу поставить голову на место и дать кое-какие указания в отношении Эвелины. Что-то брат с ней явно намутил. А Ростика попросить навести справки об Эве, но так, чтобы Влад не знал. Ростислав с этим легко справится.

А ещё нужно с отцом связаться. Батя ведь обещал, что скоро вытащит из зоны. Сидеть за то, чего не делал, Алексу совсем не хотелось. Хватит и того, что он уже здесь более трёх месяцев торчит.

Расставив кое-как план действия в башке, Алекс расслабился. Эвелина лежала тихо. Даже не шевелилась. Алекс понимал, что она не спит. Но явно боится пошевелиться, чтобы потревожить его.

Девушка погрузилась в лёгкую дрему лишь ближе к рассвету. Когда услышала равномерное мужское дыхание. Он спит, можно немного отдохнуть и ей. Усталость взяла своё.

Александр проснулся рано. Раскрылся, убирая одеяло с себя и с девушки. Приподнялся, рассматривая спящее лицо Эвелины.

В рассветных сумерках, без гримасы страха и напряжения, оно казалось совсем детским.

Длинные ресницы отбрасывали тени на серые круги под глазами. Полные губы были слегка приоткрыты. Она выглядела уязвимой до боли. И совершенно не похожа на шлюху.

Взгляд мужчины заскользил по линии её спины, остановился на округлых ягодицах. Девушка уснула на животе в весьма соблазнительной позе. Алекс сглотнул, понимая, что не желает бороться с физиологическими потребностями. Член напрягся едва ли не до боли.

Посылая всё к чёрту, он разместился сверху на девушке, прижимаясь губами к её плечу, смещая губы к лопаткам и позвоночнику.

Эвелина что-то простонала во сне и быстро распахнула глаза. Сначала испуганно дёрнулась, не сразу понимая, где она и с кем. Но события вчерашнего дня быстро вернули её в реальность.

Эвелина часто задышала, почувствовав себя безумно уязвимой. Лежать на животе, полностью обнажённой, когда над ней возвысился голый, обнажённый мужчина - это ещё то ощущение. Не нужно было никаких слов, чтобы понимать, что именно ему нужно, чего он хочет.

Его бёдра растолкали в стороны её ноги.

- Расслабься, - сказал он, почувствовав явное напряжение девушки. Его голос прозвучал неожиданно тихо, без вчерашней повелительной хрипоты.

Эва не расслабилась. Замерла, как мышь перед удавом. Его крупная рука, покрытая сплошным ковром татуировок, медленно потянулась к её лицу. Она зажмурилась, ожидая грубости, шлепка, чего угодно.

Но его пальцы лишь коснулись её щеки, провели по скуле, отодвинули прядь волос, прилипшую ко лбу. Прикосновение было... неожиданно мягким. Почти нежным. Эва открыла глаза, смотря на мужчину с немим вопросом, полным недоверия.

- Не напрягайся, Эвелина, - снова произнёс. Затем его рука скользнула ниже, коснулась её живота. Эва вздрогнула, позволяя ему всё. К её удивлению, Алекс начал целовать её. Медленно. Не как вчера: жадно, захватывая и грубо вбиваясь в неё.

А как будто пробуя на вкус. Его губы касались её спины, а руки скользили по телу, исследуя.

Эва застыла на месте, словно парализованная. Ошеломлённая и страхом, и изумлением, и той чудовищной, нелепой нежностью, возникшей там, где её в принципе не могло быть.

Александр не желал более терпеть, шире раскрыл бёдра девушки и медленно начал входить.

Эвелина застонала, дёрнулась. А мужчина протестующе рыкнул. Его крупная ладонь придавила её спину, вжимая в матрас. Не позволил ей отстраниться.

- Сказал же, чтобы ты расслабилась. Не сжимай меня так. Этим ты делаешь только хуже.

Эвелина закрыла глаза, пытаясь справиться с этим ощущением. Он такой огромный и горячий, так распирает её изнутри.

- Я буду осторожным, не бойся ты так, - фыркнул, полностью проникая в неё. Мужчина замер, позволяя девушке привыкнуть к этому вторжению.

Эва ощутила жжение. Боль была уже не такой острой. Скорее, глубокой и ноющей. И он, кажется, это чувствовал.

Алекс двигался медленно, почти бережно, удерживая взгляд на девушке, пропуская через себя её реакцию и эмоции на происходящее.

Эвелине удалось немного расслабиться. Внутри неё шевельнулось крошечное, предательское чувство облегчения. Потому что это было не так больно, как она себе представляла.

Мужчина продолжил медленно, плавно толкаться в неё, не жестил. Не хотел причинять ей боль, но и оставшееся время, что им отведено, не собирался просто смотреть на неё. Эту девушку доставили сюда для того, чтобы он её трахал. В конце концов, ей заплатили за то, чтобы она принимала в себя его член. И она будет это делать. А завтра вечером уедет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.